

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Первая российская модернизация связывается в исследовательской литературе с реформаторской деятельностью Петра I. Преобразования первой четверти XVIII в. явились органичным развитием идей и начинаний XVII в. Рассмотрим эту преемственность в области промышленной политики на примере горнорудного дела.

В XVII — первой четверти XVIII в. экономическая политика Российского государства развивалась в русле идей меркантилизма: прибыль создается в сфере обращения, богатство нации заключается в деньгах, и накопление денежного богатства может быть достигнуто с помощью государственной власти [1].

Так же, как и в Западной Европе, российский меркантилизм прошел два этапа эволюции — ранний и поздний, но с отставанием от европейских стран приблизительно на столетие. Экономическая политика раннего меркантилизма, или монетарная система, была системой денежного баланса. На этом этапе путь накопления богатств в стране виделся российской властью через обретение собственных источников серебра, золота и меди.

Отношение к железу у государства было иным. К находкам железной руды центральная власть относилась не как к прибыльному делу, а как к необходимости — удовлетворение потребностей в железных орудиях труда и оружии. Особенно остро эта проблема встала в ходе освоения новых территорий на востоке страны. Данный порядок приоритетов обусловил и разное отношение государства к поиску месторождений и производству тех или иных металлов.

Разработка месторождений серебра и золота являлась монополией государства на протяжении всего XVII в. В деле же поиска этих месторождений наблюдается эволюция государственной политики по пути использования предпринимательской инициативы с 70-х гг. XVII в. То же самое происходит и с поисками меди. Но в производстве меди государство пошло дальше, постепенно отказавшись от своей монополии в этой области. Первый частный медеплавильный завод в России появился в середине XVII в.

При царе Михаиле Федоровиче поиск руд осуществлялся экспедициями, посланными из Москвы, в крайнем случае (на очень отдаленных территориях, например, Восточная Сибирь) силами местных властей, но по указу и при строгом контроле центра. Частная инициатива не допускалась, и даже разговоры о ней пресекались.

В материалах экспедиции Ч. Бартенева и Г. Леонтьева 1618 — 1620 гг. передан рассказ толмача Романа Зеленого, бывшего в экспедиции в связи с участием в ней рудознатца англичанина Джона Ватера. Во время одного из обедов переводчик рассказывал, что английский купец Фабин Ульянов пред-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 98-01-00400.

лагал царю 4000 руб., чтобы ему позволили искать серебряную руду в Московском государстве. Фабин брал на себя все расходы по организации поисков, «а что объявится и де волен государь». Этот рассказ был в очередной отписке Михаилу Федоровичу. Из Москвы последовало суровое предупреждение, что если «ведомо учинится, что толмач ворует, сказывает мастеру Ватеру не те речи, ... за то одно быти ему в смерти».

Экспедиция Ч.Бартенева и Г.Леонтьева была первой, организованной в условиях преодоления тяжелейших последствий Смуты. В то время, как войска королевича Владислава и гетмана Хоткевича готовились к последнему походу на Москву, при царском дворе очень внимательно отнеслись к челобитной Якова Литвина (Литвинов), жителя вотчины Никиты Строганова. Он сообщал, что во многих местах Пермь Великой, в том числе и на Орле-городке, имеются большие залежи медной руды и «возможно будет золото». Весной 1618 г. в прикамские земли была отправлена экспедиция под руководством дворянина Чулова Иванова Бартенева и подьячего Гаврилы Леонтьева [2]. В ее состав были включены: рудознатец англичанин Джон Ватер, Я. Литвин, три денежных мастера, мастер-плавильщик Молофей, клиненин сын боярский Алексей Головин для посылок и толмач Роман Зеленый. По мере сбора информации и расширения территории поисков в экспедиции принимали участие сыновья Якова Василий и Моисей Литвиновы, также как и их отец, имевшие рудознатные навыки, и другие лица.

Согласно царскому указу, экспедиционные расходы должны были покрываться из местных государевых доходов на Орле-городке, у Соли Камской или в Чердыни. Все, что «будет необходимо для дела», Ч.Бартенев и Г.Леонтьев могли брать «из рудяди Никиты Строганова безденежно». За счет местного населения должна была решаться и проблема рабочих рук на вспомогательных работах. Перед экспедицией ставились две главные задачи: если руда окажется «добра» и по мнению Ватера дело будет прибыльным, то завести «большой» завод и плавить руду «беспрестанно» [3]; опросить местное население с крестоцелованием, «где кто ведает» золотую, серебряную, медную, оловянную и свинцовую руды. С сообщившими такие сведения послать в указанные места Я.Литвина или кто «пригож». Накопанная руда должна была доставляться к Бартеневу и Леонтьеву, а Ватер был обязан проводить опытные плавки.

Таким образом, предполагалось, что экспедиция одновременно будет осуществлять две функции — поисковую и организационно-производственную. При создании «большого» завода, руководителям экспедиции предписывалось «завести всякую снасть, что к тому заводу надобно», и нанимать ярыжек (рабочников) сколько необходимо и «чтоб государю прибыльнее».

Любопытно, что в царских указах не проводится различий в деятельности экспедиции на государственных и частновладельческих землях (вотчины Строгановых). Следовательно, монополия государства на недра распространялась на все территории, независимо от их принадлежности. Руководителям экспедиции давались весьма широкие полномочия. Они могли наказывать не только строгановских крестьян, но и их приказчиков вплоть до битья кнутом и тюремного заключения, если они не оказывали должного содействия экспе-

диции или подозревались в утайке информации о рудах. В случае нехватки гулящих людей для найма на поисковые работы разрешалось брать деловых людей с варниц, принадлежавших Строгановым.

Сохранившиеся источники об этой экспедиции уникальны тем, что дают редкую возможность проследить процедуру принятия решений по горнорудным делам в первой половине XVII в. и выявить степень участия в них царя Михаила Федоровича.

О ходе экспедиции Бартенев и Леонтьев должны были регулярно сообщать в Москву. Их отписки напрямую поступали к кравчему Михаилу Михайловичу Салтыкову. Он также встречался со всеми приезжавшими из экспедиции, принимал привезенные образцы руд и результаты опытов. Всю корреспонденцию и образцы М.М.Салтыков относил к царю «вверх». В царской палате принималось решение. Как говорится в документах, Михаил Федорович приказывал «словом» и повелевал послать грамоту с принятым решением, затем распоряжения оформлялись под руководством кравчего письменно. Между сообщением царю и оформлением решения в виде указа проходило некоторое время (это могло быть и десять дней, и полтора месяца). После рассмотрения при дворе вся документация экспедиции должна была храниться в Аптекарском приказе.

Таким образом, Михаил Федорович лично руководил экспедицией при активном участии кравчего М.М.Салтыкова. Ведомственная подчиненность экспедиции какому-либо приказу не прослеживается. Хранение же ее материалов в Аптекарском приказе связано с тем, что его в это время возглавлял М.М.Салтыков.

Трудно сказать, насколько были самостоятельными принимавшиеся государем решения в данном вопросе. Известно, какое большое влияние при дворе в это время имел М.М.Салтыков. Скорее всего, решения принимались совместно царем и кравчим. Первый год работы экспедиции пришелся на период, когда Филарет Никитич находился еще в польском плену. Но и после его возвращения и включения в государственную жизнь, изменений в управлении экспедицией не произошло. Ее продолжал курировать М.М.Салтыков.

В начале июня 1618 г. экспедиция приехала в Орел-городок, где и была размещена ее база до середины сентября 1619 г. За этот период проводились неоднократные разведки по р.Яйве, у Григоровской горы на р.Каме, по р.Чусовой, р.Вильве, р.Усьве. В первой половине XVII в. бытовало мнение, что вместе с месторождениями меди должно быть и золото. Это прослеживается и в распоряжениях из Москвы, и в деятельности мастера Ватера. Так, например, в указе от 23 августа 1618 г. говорилось, чтобы Бартенев и Леонтьев в Григоровском «над медяною рудою промышляли великим радением, копали вниз и золото в той меди смотрели накрепко».

Еще в самом начале экспедиции, проводя опыты с первыми образцами руды, Ватер с целью обнаружения золота плавил медь с ползолотником свинца и сказал, что в той меди золота нет. Но при этом упомянул, что у него имеется «водка», и если в меди есть золото, то оно в этой «водке» объявится, а класть в «водку» медь нужно вместе с серебром. Он взял ползолотника меди,

сплавил ее с 3 алтынами серебра и положил в скляницу с «водкой». После этого мастер сказал, что «в той меди искра золотая объявилась». Руководители экспедиции стали «у него золотой искры просить», но Ватер ответил, что «та золотая искра утерялась», потому что положил мало меди.

Очевидно, в это время в Москве еще не было хороших специалистов, способных провести опыты с присылавшимися образцами руды и оценить работу Ватера. А мастеру явно не хватало знаний, чтобы осуществить полноценную разведку и по достоинству оценить найденные месторождения. Через 15 лет именно в этих местах, на р.Яйве и Григоровой горе, будут открыты промышленные залежи медной руды.

А пока в царских указах то напоминалось Ватеру, что «король английский прислал его служить, во всем радети», то обещалось ему, что если «объявится руда, от которой будет прибыль, и он будет пожалован из той прибыли четью». Были у М.М.Салтыкова и подозрения, что Строгановы вступили в тайные переговоры с мастером и подкупили его, чтобы он ничего не нашел. Но эти подозрения не подтвердились.

Одновременно велась поиски серебряной руды. С этой целью из Орла-городка посылались отряды в «вогуличи» на р.Сыльву и на р.Печору. На Цильме поисковики обнаружили заброшенные рудные разработки и взяли там образцы породы. Привезенная руда оказалась медной. Ватер не смог обнаружить в ней ни серебра, ни золота. Но, по его мнению, в этой породе было довольно высокое содержание меди, и если будет обнаружен рудный слой, то дело окажется прибыльным.

В Москве было принято решение — экспедиции со всем «большим заводом» перебраться на Цильму. На новом месте отряд Бартенева и Леонтьева начал работы в мае 1620 г. Но надежды на промышленное залежание меди не оправдались. Результаты опытов оказались скудными. Кроме незначительных медных проявлений, был найден колчедан, но полученное при опытах железо оказалось плохим.

В июле экспедиция отправилась в обратный путь на Орел-городок в ожидании дальнейших указаний. В конце августа было принято решение о ее возвращении в Москву, и 14 декабря 1620 г. Ч.Бартенев и Г.Леонтьев явились на доклад к М.М.Салтыкову в Алтекарский приказ. Только на кормовые расходы участникам экспедиции казна потратила 944 руб. 23 ал. 1 ден.[4].

Несмотря на неудачу этого отряда интерес государства к поиску руд в Прикамье и Поморье не исчез. В 1626 — 1628 гг. экспедиция московского дворянина Григория Алексеевича Загряжского и подьячего Сергея Беликова проводила поиски золотой, серебряной, оловянной, медной и свинцовой руд в Перми Великой, на Мезени, Печоре, Пинеге, Кевроле, в районе Пустоозерска [5]. В ней принимали участие рудознатцы немцы «Цесарской земли» Ганц Герольт (Анц Ерольт), Самойло Фрик и Павлик Шмоль. Для посылок с ними был отправлен служивый немчин Иван Федоров Зорен (Анц Зорен Кукольник), а также переводчик Тимофей Фанемин. Управление экспедицией осуществлялось уже через Посольский приказ. К этому времени Салтыковы оказались в опале. Руководство поисками руд перешло с лично-

стного уровня на ведомственный. Присутствие в экспедиции иностранцев предопределило ее подчинение именно Посольскому приказу.

В пермских землях территория поисковых работ этой экспедиции по сравнению с первой была значительно расширена в северном и восточном направлениях. Были обследованы низовья рек Колвы и Вишеры (Помяная и Полюдовая горы), бассейны рек Чусовой и Косью с их притоками. Добылись поисковики и до границы Соликамского и Верхотурского уездов. Вновь были проведены разведки на Григоровой горе и по р. Яйве. Но ожидаемых результатов не было.

Центральные власти начали беспокоиться. Почти год работы экспедиции принес лишь убытки «в кормах и подводах». Квалификация рудознателей не вызывала сомнений. Как говорилось в царской грамоте, «посланы рудознаты к тому делу люди знающие, на то они к нам из иных земель и приехали, и грамоты с собою свидетельствованные привезли, и сами нам на Москве свое ремесло объявили (то есть показали), что они такие места, где живет руда золотая и серебряная, и медная и оловяная, знают достаточно, и где такие места сыщут, тем нам службу свою хотят показать».

Немецкие мастера имели хорошую репутацию при царском дворе благодаря не только рекомендационным грамотам, но и личным заслугам перед московским государем. Так, к началу экспедиции С.Фрик уже прожил в России не менее 10 лет и показал себя искусным мастером-ювелиром, неоднократно выполняя царские заказы. Например, в 1624 г. вместе с братом Яковом он делал царскую корону [6]. Во время пребывания экспедиции в Соли Камской С.Фрику для проведения опыта был прислан из Москвы образец породы, привезенный из Еренского городка. Это свидетельствует о явном отсутствии квалифицированных специалистов-рудознателей в столице.

На царском дворе причина малоэффективности экспедиции виделась в излишней торопливости и поэтому некачественной разведке местности. В государственной грамоте рекомендовалось «делать не скоростью, что приехав где да посмотря на гору или на курган, или на место, и посмотря да прочь, где при-смотря такое место, отыскивать и копать надобно гораздо». Далее шла ссылка на зарубежный опыт: «А в которых государствах делают золото и серебро и такие места доходят великою глубиною, то рудознаты и ведают, и знают, с каким трудом то находят, а где руда медная объявится, тут и золотая и серебряная, а мы просим у всемогущего Бога того, какаа б руда не объявилась, золотая или серебряная или медная».

По сравнению с первой экспедицией в Москве были пересмотрены методы получения информации о рудах от местного населения. Если Бартеневу и Леонтьеву предписывалось добывать сведения от крестьян, путем пыток и суровых наказаний вплоть до тюремного заключения, то Загряжскому и Беликову указывалось «никаких людей в деле и за дело не жесточить, и разведывать у всяких людей ласкою и обнадеживая нашим (то есть государевым) жалованьем, а если начнете людей жесточить, то они вам ничего не скажут».

Полученная от местного населения информация вновь выводила направление поиска на поморские земли. Сведения о находках руды в северных районах

доходили и до Москвы. Повтому в начале 1627 г. экспедиция была отправлена на Мезень, Пинегу и Кевролу. Но данных о ее деятельности в этих районах пока не обнаружено. Известно лишь, что поисковики туда ездили, но «прибыльных» месторождений не нашли. Этой же экспедицией впервые были получены сведения о находках руды на Канином Носу. Но вновь эти территории привлекают внимание поисковых экспедиций только в 60-е гг. XVII в.

Согласно косвенным данным, экспедиция Г.Загряжского и С.Беликова завершилась в феврале 1628 г. Уже в марте Г.Герольд и С.Фрик были отправлены на Терек для поиска всяких руд и водопроводного дела [7]. Но на Тереке они в основном занимались строительством водопровода. Этой же весной Павлик Шмоль уехал на родину в Цесарскую землю, чтобы привезти в Россию семью и закупить рудознатные и водопроводные снасти [8]. Г. А. Загряжский с мая 1628 г. по май 1631 г. был на воеводстве в Тобольске вместе с князем А.Н.Трубецким и пытался наладить там железоделательное производство [9].

В 1627 — 1630 гг. на Тунгуске искала серебряную руду экспедиция Якова Хрипунова. В ее составе был плавильщик и серебряный мастер Иван Иванов Репа из Москвы. С Я.Хрипуновым были посланы «с огненным боем» 158 служилых людей из Пелыма, Березова, Сургута, Тары, чтобы попутно «князецких и иных землиц людей привести под государя высокую руку». Поиски закончились неудачей. Этой экспедицией руководил Сибирский приказ, связь осуществлялась через местную воеводскую администрацию [10].

В начале 30-х гг. вновь стали поступать сведения о находках рудных признаков в Прикамье. Скорее всего, речь шла о медных проявлениях, но по-прежнему господствовало представление, что медь является признаком месторождений золота.

22 февраля 1633г. из Москвы была послана очередная экспедиция в Пермь Великую «сыскивать золотые руды». Она отличалась от предыдущих своим составом. Ее возглавляли не служилый дворянин и подьячий, а весьма представительные лица — стольник Василий Иванович Стрешнев и дьяк Василий Сергеев[11]. Впервые в экспедиции принимал участие представитель высшего слоя купечества — гость Надея Андреев Светешников [12]. Для посылок с ними было отправлено 9 служилых дворян [13]. В качестве специалистов в экспедиции участвовали рудозналец Александрик Иванов Тумашев (скорее всего, именно по его челобитной отправилась экспедиция), пушечный мастер и рудозналец швед Елисей Коет [14] и лекарь англичанин Матвей Кинфин. Такой представительный состав экспедиции свидетельствовал о большом значении, которое придавалось ей царским двором.

К сожалению, сохранилось крайне мало сведений об экспедиции В.И.Стрешнева. Очевидно, это связано с тем, что она была кратковременной, уже в январе 1634 г. ее участники получали в Москве царские дары. Задачей экспедиции было обследование рудных признаков, указанных А.Тумашевым, и выяснение рентабельности месторождения.

Отряду В.И.Стрешнева не удалось найти золото, но зато были открыты промышленные месторождения медной руды в Соликамском и Чердынском

уездах (в тех местах, где работали предыдущие экспедиции). Руководители и специалисты экспедиции были щедро вознаграждены[15]. В снаряжении этого поискового отряда принимал участие Алтекарский приказ, обеспечивавший различными веществами для проведения опытов и лекарствами. В нем же должен был получить кормовые лекарь. Но сборы экспедиции были скорыми, и когда в Алтекарском приказе наконец-то дошло дело до выдачи денег М.Клифину, то выяснилось, что он уже уехал, получив кормовые в приказе Большой казны (там же, где и основная часть участников экспедиции)[16]. Таким образом, через данный приказ шло финансовое обеспечение поисковых работ и скорее всего координация действий.

На базе найденных месторождений был построен казенный Пыскорский медеплавильный завод. Первые заводские постройки были возведены у Григоровой горы еще при В.И.Стрешневе. Но в 1634/35 г. по предложению рудознатца немца Ариста Петцольта управляющий гость Надей Светешников и подьячий Илья Кириллов перенесли завод на 25 верст вниз по Каме на р.Канкарку[17]. Пыскорский завод управлялся присылаемыми из Москвы представителем московской администрации, который осуществлял общее руководство, и торговым человеком, занимавшимся учетом средств и продукции. Они находились в подчинении приказа Большой казны.

Экспедиции конца 10-х — 30-х гг. в Прикамье, Поморье и Восточную Сибирь не дали результатов в поисках серебра и золота. Видимо, это подтолкнуло царя к решению поддержать частную инициативу в этом деле. А.Олеарий в своих «Записках о путешествии в Московию» упоминает знакомого английского купца (не называя имени из уважения к его чести), который проживал в Москве уже несколько лет, вел значительную торговлю и был довольно известен. Купец сообщил царю, что он обнаружил признаки золотой руды и надеется открыть месторождение. Великий князь одобрил инициативу и распорядился выдать ему под поручительство средства для проведения изыскательских работ. Однако предприятие закончилось неудачей, деньги были издержаны, и купец оказался в долговой яме. Но соотечественники собрали необходимую сумму и выручили его [18]. С.М.Соловьев в «Истории России с древнейших времен» описывает аналогичную ситуацию, но называет имя английского купца и дату событий. Скорее всего, в обоих случаях речь идет об одном и том же факте — в 1640 г. англичанин Картрейт с 11 мастерами взялся искать золотую и серебряную руду[19].

В 1645 г. были поддержаны начинания по поиску медной руды в Верхотурском уезде воеводы М.Ф.Стрешнева, но его действия воспринимались в Москве не как частного лица, а как представителя власти[20]. К этому времени уже довольно четко определилась специализация приказа Большой казны на горнорудных делах. Однако существовавший порядок ведомственной подчиненности не позволял М.Ф.Стрешневу напрямую обращаться со своими находками в данный приказ. Он должен был общаться только с Сибирским приказом. Последний передавал для экспертизы присланные образцы породы и результаты опытов, проведенных на Верхотурье, в приказ Большой казны. После обследования письменное заключение присылалось в Сибирский приказ.

В приказе Большой казны имелись свои мастера — рудознаты и плавильщики, но это по-прежнему были иностранцы. Так, верхотурскую руду, присланную М.Ф.Стрешневым, исследовали водовзводный мастер Христофор Головей и плавильщик англичанин Рыцарь (Ричард) Штиль. В 1644 г. Х.Головею поручались поиски серебряной руды [21].

Как свидетельствуют факты, логика службы в приказе Большой казны предполагала непосредственное участие приказных дьяков в разведках рудных месторождений. Так, 1 мая 1642 г., будучи дьяком этого приказа, Назар Чистой был послан на поиски золотой руды в Тверь с боярином князем Б.А.Репниным и Ф.В.Клепиковым-Бутурлиным [22]. По свидетельству П.Марселеса, Н. Чистой побывал в Казани и других местах, а «для опыту всяких руд» с ним ездил иноземец Петр Мартинов [23]. Скорее всего, эти поездки состоялись в первой половине 40-х гг., так как с января 1647 г. он уже возглавлял Посольский приказ [24].

На 30 — 40-е гг. приходится интенсивное обследование отрядами землепроходцев районов Восточной Сибири и Приамурья. Участники походов разведывали пути сообщения, собирали сведения о пушных богатствах края, полезных ископаемых, местном населении, возможностях организации пашенного земледелия. О необходимости сбора такой информации говорилось и в царских грамотах местным воеводам.

О находках серебряных руд сообщали руководители отрядов Максим Перфильев (р.Шилка, устье р. Уры, р.Витим. 1640 г.), Василий Подрков (р.Зей. 1643 г.), Иван Похабов (Братский острог, оз.Байкал. 1644 — 1648 гг.), Петр Бекетов (р.Шилка, оз.Иргень. 1653 г.). Но лишь в конце 70 — 80-х гг. были найдены промышленные залежи серебра и построен сереброплавильный завод в Нерчинском крае [25].

Во второй половине XVII в. произошли коренные изменения в социально-экономической жизни и внутривполитическом развитии России. Перемены проявились и в промышленной политике государства. Стала активнее использоваться частная инициатива в поисках серебра, золота, меди и в разработке последней.

Первым важным шагом на этом пути была передача казенного Пыскорского медеплавильного завода Тумашевым. Родоначальнику этой династии принадлежала честь открытия сырьевой базы для данного завода в 1633 г., с тех пор Александр Иванов вместе с сыновьями работал здесь плавильщиком. В 1648 г. казенный завод был закрыт в связи с истощением месторождений и пожаром. В такой ситуации государство с большой выгодой для себя пошло на передачу завода в частные руки и переложило все расходы по восстановлению производства на предприимчивых Тумашевых. При этом сохранялась государственная монополия на конечный продукт. Всю медь заводладельцы должны были поставлять в казну по заниженным ценам. Продукция сдавалась ценовальникам в Соли Камской и шла на местный рынок (не известно вся или только часть). Царской грамотой Тумашевы и мастеровые люди были выведены из-под юрисдикции местных властей. Завод просуществовал до 1656/7 г. [26].

Следующим шагом в ослаблении государственной монополии на поиск и производство меди явилось разрешение посадскому человеку Алексею Тихоно-

вичу Жилину организовать медеплавильное дело в Енисейском уезде на условиях оброка. К этому времени он уже имел слюдяной промысел в этих же местах. Обнаруженная им в 1658 г. руда оказалась хорошего качества. На этот раз центральная власть не ограничилась только разрешением, но и оказала содействие. На заведение производства из казны было выделено 500 руб., из Соликамска был прислан плавильщик Даниил Михайлов. Воеводам предписывалось оберегать А.Жилина от всяких обид и защищать от набегов местных князьков. Со своего дела он должен был поставлять в казну десятый пуд меди. Также А.Жилину предоставлялось право поиска руд в других местах, но он был обязан сообщать воеводам о своих находках и предоставлять им образцы руд для отправки в Сибирский приказ [27]. Таким образом, во второй половине XVII в. на производство меди были распространены традиционные условия оброчных промыслов.

С конца 60-х гг. государство разрешило заниматься поисками медной руды и строительством частных медеплавильных заводов иностранцам. Первыми заинтересовались медеплавильным делом отец и сыновья Марселисы. В 1669 г. на государственных землях в Олонецком уезде Христиан Петрович Марселис и Еремей Фандергатен нашли два месторождения меди. Они же посылали искать руду в Фоймогубскую волость Олонецкого уезда рудоискателя Ивана Пульмана. Тремя годами раньше, в 1666 г., новгородский гость Семен Гаврилов и плавильщик Денис Юрьич (Кильбургер называет его голландцем Денисом Иовисом, служившим прежде при шведских рудниках) обнаружили медную руду и организовали ее выплавку в Толвуйской волости Олонецкого уезда. В 1669 г. глава семейства Петр Марселис обратился к царю с просьбой о выдаче привилегии ему и его сыну на разработку медной руды в Олонецком уезде и в Заонежье. [28].

В деле № 12 из фонда № 151 «Дела о горных промыслах и заводах в России» (РГАДА) нами найден интересный документ — записка с предложениями по развитию медеплавильного дела в России на основании анализа иностранного опыта. К сожалению, оказались утраченными начало и конец источника, листы перепутаны с другими документами. По почерку и содержанию удалось выявить 6 листов этой записки и восстановить их последовательность (лл. 31, 12, 14, 15, 16, 13). В сохранившемся тексте нет указания на авторство и дату составления документа.

Скорее всего, записка была написана в 1669 г. В ней есть фраза: «В Московском государстве в розных *четырёх* местах медная руда обьявилась и серы горячие много». Как отмечалось выше, в 1669 г. были известны три месторождения меди в Олонецком уезде. В 1668 г. Леонтий Петрович Марселис привез с Цильмы образцы медной руды — четвертое месторождение [29]. К этому времени в Прикамье и Казанском у. медные жилы были уже исчерпаны [30].

Есть основания предполагать, что автором записки был Петр Гаврилович Марселис, и она имеет прямое отношение к стремлению семейства Марселисов получить разрешение на строительство медеплавильных заводов в Олонецком крае. Вряд ли в это время в России были кроме них специалисты по организации заводов такого высокого профессионального уровня.

П. Г. Марселлис (1602 — 1672 гг.), датский купец, приехал в Россию в конце 30-х гг. XVII в. В 1639 г. вместе с тестем Филлимоном Акемой он вступил в компанию А.Д. Виниуса по строительству Тульских заводов. В 1644 г. они получили разрешение на заведение железных заводов собственными средствами на Ваге, Шексне и Костроме «или где инде приищут на наших великого государя порожжих, а не монастырских и не поместных землях» с 20-летней льготой. А.Виниус из компании был вытеснен. К 1662 г. П.Марселлис и Ф.Акема основали еще 2 завода к 5 уже существовавшим, в этом же году компаньоны разделились [31]. В 1643 и 1665 гг. П.Марселлис выполнял ряд дипломатических поручений в Дании.

За долгие годы жизни в России он прекрасно изучил русскую внешнеторговую практику и счел необходимым обратиться к правительству с предложениями по развитию торгового дела. В связи с этим Петром Гавриловичем были поданы в Посольский приказ две записки: первая — в 1667 г., частично учтена А.А.Ордын-Нащокиным при составлении Новоторгового устава; вторая — в 1668 г., содержащая критику последнего документа в плане ограничений торговли иностранными купцов [32].

Хотя эти две записки и упоминая выше о развитии медеплавильного дела 1669 г. преследовали различные цели и касались разных сфер экономики, тем не менее у них есть общее — они отражают развитие идей меркантилизма в России. Все эти документы касаются поиска государственной прибыли через сферу обращения, нацелены на привлечение в страну возможно большого количества серебра и золота из-за границы. В документах 1667 г. и 1668 г. были предложены меры, которые должны были расширить возможности иностранных купцов торговать на ефимки (серебро), что позволило бы, по мнению П.Марселлиса, увеличить выпуск русских серебряных денег. Предложения 1668 г. были отвергнуты российским купечеством [33].

Записка 1669 г. также основана на посылке, что источник богатства — внешняя торговля. Этот документ ярко отражает идеологию позднего меркантилизма — интерес к развитию промышленности, производящей продукцию, экспорт которой приносит стране избыточное количество денег по сравнению с тем, сколько они стоят. Это означало, что государство, обладавшее такой промышленностью, имело возможность участвовать в присвоении продуктов золотых и серебряных рудников других стран [34]. Именно таким производительным производством, по мнению П.Марселлиса, являлось металлургическое дело (в частности медеплавильное).

Обращаясь к царю в 1669 г., он писал: «Нельзя, государь, того прибыльнее быть Российскому государству, как бы дал Бог розные рудяные заводы. А обявы Бог дал в розных местах и от розных бы заводов Российское государство богатело. А как бы, государь, в Свие не розные были заводы — серебряные и медные, и железные, и сера горячая, не столь бы богата была. А на всякой, государь, год из Свийской земли вывозят в розные государства по 70000 берковец железа да меди по 20000 берковец с лишком, а за то железо и медь привозят из иных государств доброе серебро и золото и всякие дорогие товары, потому Свейская земля и богата и воинских людей держат,

потому много имеет... А как бы, государь, в Московском государстве всякие заводы были, и иноземцем бы какие русские товары понадобились и оне б, так же как в Свейской земле и в иных государствах, за медь и за железо, за московские товары стали б привозить серебро и золото и иные дорогие товары. И от того б Московское государство стало богато».

Практические предложения П.Марселиса базировались на его богатом опыте заведения железоделательных заводов. Проанализируем, как эти предложения нашли отражение в промышленной политике 70 — 80-х гг. XVII в. и были развиты Петром I. Предлагавшиеся меры можно разделить на две группы: геологоразведка, организация заводов и управление производством.

В основе предложений П.Марселиса по проведению поиска руд лежал уже давно использовавшийся метод — получение сведений о рудных проявлениях от местного населения. Автор записки считал необходимым упорядочить это дело в общероссийском масштабе. Предлагалось послать царские грамоты во все города и уезды к воеводам и приказным людям, чтобы они «накрепко заказали» попам, старостам и целовальникам, а те, в свою очередь, крестьянам «накрепко досматривать» у рек, в оврагах и гористых местах, где отмыто или вырыто, незнакоимые камни и песок, а также «крепкие глины».

Обнаруженные признаки крестьяне должны были приносить местной администрации. А воеводы и приказные люди подробно выясняли бы толщину рудного слоя, место залегания и «обнадеживали» бы изветчиков государевым жалованьем. Распросные речи и образцы породы (не меньше пуда) срочным порядком высылались бы в Москву. Марселисы были готовы оказать государю услуги по проведению опытов в столице и дать заключение о рентабельности месторождения. Предлагалось широко оповестить о вознаграждении за поиски руд, а также назначить вознаграждение «по рассмотрению» попам, старостам и целовальникам за радение.

Подобная царская грамота была отправлена в Тобольск воеводам И.Б.Репнину и И.Ф.Щербатову, дьякам М.Чирикову и Ю.Блудову в январе 1671 г. Кроме жалованья, нашедшим руду обещался перевод «из малых чинов в первую статью», а если это будут ссыльные люди, то им «вины их будут отданы». Указ был ответом на сообщение тобольских воевод о находках серебряной руды старцем Лотом Исетского монастыря и тобольским служилым татариним А.Куламаметовым [35]. Таким образом, этот документ был связан с конкретными обстоятельствами и носил локальный характер.

Лишь после создания приказа Рудных дел 2 ноября 1700 г. был подписан именной указ о розыске всеми желающими различных руд и награждении открывших месторождения [36]. Согласно указу местные власти были обязаны провести первоначальный осмотр местности, объявленной в извете, составить описание и отправить его вместе с образцами руды (два пуда) в приказ Рудных дел. В Берг-привилегии 1719 г. устанавливались разные размеры вознаграждения за находки промышленных месторождений меди и серебра [37].

В записке 1669 г. П.Марселис касался важной проблемы — отношение собственников земель к находкам руд в их владениях. Он прекрасно понимал, что в связи с монополией государства на недра последние боялись потерять свои

земли в случае обнаружения в них месторождений. По мнению П.Марселиса, землевладельцам (боярам, дворянам и монастырям) должны быть возмещены потери земель в двойном — тройном размере. Также предполагалось суровое наказание тем, кто мешал поиску руд или скрывал находки. Эти предложения получили законодательное оформление только в Берг-привилегии 1719 г. Хотя еще в XVII в. существовала практика компенсации владельцам утраченной земли в связи со строительством казенных заводов. Например, в 1637 г. у Пысковского Преображенского монастыря были взяты земли на р.Канкарке под Пысковский медеплавильный завод. Взамен обитель получила обширную еще неосвоенную территорию между р.Мечкою и Нагаевой пустошью [38]. Согласно Берг-привилегия, владельцы земли имели приоритетное право на строительство заводов, «когда заранее о том востребуют». Если же у них не было желания этим заниматься, то они получали 32-ю часть прибыли от устроенного на их владениях производства. Предусматривались карательные меры за утайку руд и препятствование их розыскам.

Будучи хорошо знакомым с организацией металлургического производства в Европе, П.Марселис предлагал использовать зарубежный опыт в России при создании заводов. По его мнению, организацией металлургических заводов должны были заниматься специалисты («знатошные люди»). Для этого недостаточно уметь плавить руды, необходим опыт устройства «большого завода». Именно таких людей разыскивали и привлекали к заведению производства правители «Цесарской, Дацкой, Свейской и Саксунской земель». В данной записке Марселисы изъявляли готовность взять на себя роль организаторов заводов в России, «как будут великого государя жалованьем пожалованы против иных государств знамелных людей, как там те знамелные люди пожалованы». Особо подчеркивалась роль мастеров, без которых «нельзя таково дела зачинать и в знатные места ездить». Марселисы предлагали свои услуги по поиску таких мастеров в разных государствах.

Система управления производством представлялась П.Марселисом следующим образом. Заводовладелец (опытный специалист) сам формирует штат мастеровых людей и отвечает за производство. Приказчик-иноземец непосредственно контролирует технологический процесс («заводской строй») и выдает жалованье мастерам. Для «веры денежного расхода» к приказчику прикрепляются грамотный посадский человек и подьячий. Также заводом «ведает» дворянин. Но он «не вершит никаких больших дел, а токмо пишет о том к Великому государю, к Москве». Дворянин отвечает за безопасность завода, чтоб «обид от сторон не было» мастерам и работным людям, «чинит наказание» последним по челобитью приказчика. В записке доказывалась нецелесообразность поручения дворянам самостоятельной организации и управления заводом. Особо оговаривалось, что завод не подчиняется местной городской и уездной администрации.

В предлагавшейся схеме управления было опущено одно звено, которое существовало в зарубежной практике. Согласно описанию П.Марселиса, в европейских странах над заводчиком стояли «ближний боярин и думный канцеляр». Владелец завода докладывал им о заводских нуждах. «И тот боярин и канцеляр во всем знатошному (то есть заводчику) без задержки указ чинят»

и сообщают о том государю. Несомненно, это должны были быть люди знающие. Очевидно, в российских условиях П.Марселис не видел в верхнем эшелоне власти лиц, способных выполнять такие обязанностями и обладавших определенным уровнем квалификации. Лишь в 1719 г. Петром I была создана Берг-коллегия — специальный орган, ведавший заводским строительством, с соответствующими специалистами.

Ссылаясь на пример других стран, П.Марселис обращал внимание на запрет ввоза в государства, где «родится медь, и железо, и олово, и свинец, и сера горячая», этих товаров, чтобы заводладельцам не было убытка и разорения, да и деньги бы не вывозились из страны. Таким образом, поднимался вопрос о протекционистских мерах в отношении отечественных производителей.

Инициатива Марселисов по заведению медеплавильных заводов была поддержана правительством. Наверняка немалую роль в этом сыграл глава Посольского приказа А.Л.Ордын-Нащокин, талантливый дипломат, человек передовых экономических взглядов. Он был горячим сторонником государственной помощи и содействия предпринимателям, оказывал большую поддержку Марселисам в развитии металлургического производства [39]. Казна выдала заводчикам ссуду в 500 руб. на «медные заводы» [40]. Как сообщалось в челобитной Петра Петровича Марселиса и Еремея Фандергатена 1675 г., они уже были пожалованы «рудокопными делы, в Олонецком уезде, которые ведал гость Семен Гаврилов» [41]. Марселисом и Генрихом Бутенантом фон Розенбошем был построен медеплавильный завод в Фоймогубской волости Олонецкого уезда [42]. Также до челобитной 1675 г. им было разрешено проводить разведки рудных месторождений и строить медеплавильные заводы на р.Дильме, р.Пижме и в Пустоозерском уезде [43]. По сообщению Кильбургера, в 1674 г. Петру Марселису было передано управление тремя рудниками — один на Олонце, неподалеку от Онежского озера (до этого находился под управлением голландца Дениса Ювиса) и два в Кондырской области на берегах р.Мезени в 228 верстах от устья [44]. Марселисы оказались самыми удачливыми из всех желавших завести медеплавильные заводы во второй половине XVII в.

Небывалый всплеск предпринимательского интереса к поиску руд и организации заводов приходится на 70-е гг. Без каких-либо затруднений государство выдавало жалованные грамоты и удовлетворяло все просьбы желавших заниматься этим делом. Но было два обязательных условия: искать «своими проторми» (то есть на собственные средства), разработка золота и серебра — монополия государства. 24 июня 1672 г. приказ Тайных дел выдал нижегородскому посадскому человеку Ерофею Данилову Ножевникову грамоту, позволяющую искать медные и всякие руды от Нижнего Новгорода до Перми и в Пермском крае [45]. Он мог проводить разведку на любых землях независимо от их принадлежности и должен был объявлять о находках в данном приказе. В 1674 г. Ножевников с товарищами получили новые проезжие грамоты на поиски руд в Ярославском, Вологодском, Каргапольском уездах, а также по рекам Оке, Волге и Каме. Но никаких руд им найти не удалось. В 1676 г. Ножевников уже обращался за подобной грамотой в Посольский приказ.

С 1671 по 1676 гг. этот приказ возглавлял А.С.Матвеев, человек, пользовавшийся большим доверием Алексея Михайловича, личными заслугами добившийся высоких государственных постов, искусный дипломат, широко образованный, с тягой к западной культуре и ее достижениям. Он понимал происходившие в экономике России перемены придавал большое значение развитию товарно-денежных отношений, отечественной промышленности. Матвеев много сделал для упорядочения работы монетного двора, расширил торговые связи с заграницей. В мае 1672 г. по его поручению в Швецию было отправлено посольство с заданием привезти оттуда на службу «рудознатных всяких самых добрых мастеров»[46]. Он продолжил многие начинания А.А.Ордын-Нащокина, в том числе и поддержку предпринимательской инициативы в горнорудном деле.

В 1674 — 1675 гг. Посольским приказом были выданы подорожные и жалованная грамоты на поиски всяких руд и заведение медеглавных заводов с весьма широкими привилегиями переводчику этого приказа А.А.Виниусу и вологодскому торговому человеку Я.Г.Галкину [47]. В 1674 г. А.Виниус вернулся из служебной поездки по европейским странам и привез из Испании образцы золотой и серебряной руды. По сведениям Галкина, подобную руду привозили из Пензы. И Виниус с Галкиным отправились на поиски. В жалованной грамоте не оговаривался район их деятельности, она была адресована «по городам боярам и воеводам и дяком и всяким приказным людям» и говорилось, что Виниус с товарищами послан «по всем городам и уездам»[48]. Хотя участники экспедиции заявляли, что они будут искать руду своими проторями, однако в челобитной Виниус отмечал, что они надеются на милость государя и их расходы будут покрыты после обнаружения руды. Также он просил «учинить придачу» к его поденному жалованью и выдать кормовые деньги вперед на два года. Жалованье Виниуса составляло 4 гривны на день, это был единственный источник его существования, поместья он не имел. Последовало распоряжение — выдать ему кормовых денег на год вперед. Петр Петрович Марселлис (после его смерти брат Христиан Петрович) и Е.Фандергатен, явно встревоженные деятельностью Виниуса и Галкина, попросили в июле и августе 1675 г. выдать им такую же подорожную грамоту на поиски руд на р.Цильме, р.Пижме, р.Мезени в Пустоозерском уезде (хотя разрешение на работы в этом районе они имели раньше) и торопились отправить в эти края своих мастеров[49].

В сентябре этого же года обратились в Посольский приказ с просьбой выдать такую же подорожную, как у Виниуса, еще две группы поисковиков. Авторами первой челобитной были поп Успенской церкви на Москве у Нового гостинного двора Доментий Федоров Нарыков, Сергей Иванов Патрекеев, Василий Фомин Старцев, Василий Исаев Вальяшников. Вторая челобитная поступила от сыновей попа Доментия Нарыкова — стряпчего Сытного двorca Льва, Ларки и Степана, а также Фильки Лукьянова, саратовца Микитки Васильева Алмашина (Алмашик) из Казенной слободы. Все три просьбы были удовлетворены [50].

Начало деятельности Нарыковых вызвало беспокойство у А.Виниуса. К этому времени основные районы поисков месторождений были уже общеизвест-

стны. С начала XVII в. бассейн р. Камы и ее притоков регулярно привлекал внимание поисковиков. В начале 70-х гг. у государства вновь возник интерес к медным рудникам в Соликамском уезде. Грамотой от 20 января 1671 г. местной администрации предписывалось доложить в Москву о состоянии рудника у Григоровой горы, почему он был заброшен. Именно на Каму в первую очередь и устремились экспедиции А.Винниуса и Нарыковых. О том, что Нарыковы получили проезжие грамоты, Винниус узнал почти сразу (видимо, в это время находился в Москве) и подал челобитную, стремясь закрепить свой приоритет на Каме. Уже 11 ноября 1675 г. его послание было рассмотрено. В челобитной он ссылался на жалованную грамоту на назначенные рудные места, которые они «обыскали» на Каме, и разрешавшую им «впредь где какие признаки обыщут заводы заводить». Винниус сообщал, что в 1674/75 г. ездил с товарищами на Каму и нашел признаки на Каме в Камешинских горах. По сообщениям извetchиков также ими были обнаружены признаки медной и железной руд на рр. Яйве и Косье. Андрей Андреевич просил записать его явку обнаруженных мест, чтобы другие в «обысканные места не вклепались и не назвали своего прииску». Челобитная и явка были записаны в книгу[51].

Однако построить в Прикамье заводы А.Винниусу и Я.Галкину не удалось. Очевидно, обнаруженные месторождения оказались нерентабельными, а может быть не хватало опыта. К тому же чтобы завести заводы «своими проторми» нужны были немалые деньги. На долгие годы А.Винниус оставил рудное дело. В 1675/76 г. он уже числился среди московских дворян, а с 1677 г. служил в Аптекарском приказе. В 1694/95 г. был назначен Петром I главой Сибирского приказа в чине думного дьяка и руководил строительством железоделательных заводов на Урале.

Нарыковы занимались поисками руд до 1678 г. [52]. Группой Домениана, Льва и Степана Нарыковых, Сергея Патрикеева в 1676 г. были найдены железные руды в Галицком, Вятском, Казанском и Устюжском уездах, а также серебряная руда в Кольском уезде и на Медвеьем острове [53]. Построить заводы им также не удалось.

Решил попытать удачи на поприще поиска руд и устройства заводов боярин князь Юрий Иванович Ромодановский. В 1676 г. он просил выдать такую же грамоту, как у Винниуса и Марселиса, и собирался послать своих людей в Казанский уезд [54]. Наверное, этот интерес Ю. Ромодановского не был случайным. В 1667 — 1671 гг. он возглавлял Пушкарский приказ, в 1673 — 1676 гг. был на воеводстве в Казани, где в 50-е гг. были найдены промышленные залежи меди и действовал казенный завод[55].

Выданные в 1675 г. подорожные грамоты представляют для нас интерес с точки зрения объема предоставлявшихся поисковикам-предпринимателям привилегий[56]. Они могли искать руды на любых землях, независимо от их принадлежности (раньше такое право давалось только отрядам, посланным центральными властями). Это положение нашло отражение в Берг-привилегии 1719 г. Руды, кроме золотой и серебряной, слюда, краски, «узорочное или простое пригодное каменье», найденные на государственных, вотчинниковых и помещиковых землях, по жалованной грамоте становились владением их открывателей,

которые «на тех местах» могли заводить заводы и промыслы. Но они должны были «о том о всем к великому государю писать и под отписками присылать росписи имянно в Посольской приказ». Таким образом, государство делалось своим монопольным правом на земные недра с частными лицами. Эта линия была продолжена Берг-привилегией, только в общий список уже включались и серебро, и золото.

Относительно устройства заводов в рассматриваемых грамотах прослеживается практика, уже существовавшая в отношении Тульских и Каширских заводов Марселисов и Акемы [57]. Строить заводы и сечь лес разрешалось только на государственных землях. Если возникала потребность в частновладельческих землях, то заводчики должны были договариваться с их хозяевами о найме. Специально оговаривалось, что «заводы заводить и строить и те руды плавить и ковать и делать наемными людьми своими проторми». В первой четверти XVIII в. государство поступало уже более бесцеремонно с частными владениями. Берг-привилегией разрешалось строить заводы на любых землях, но владелец земли, не желавший заниматься заводским делом, получал 32-ю долю прибыли от производства в его владениях.

На определенный срок устроители заводов освобождались от уплаты государственных пошлин и оброка. Для Виниуса, Галкина и Марселиса это было 20 лет, для Ножевникова — 15 лет. После этого срока ежегодно с каждой плавильной печи Виниус и Галкин должны были платить по 150 руб., Марселис — по 100 руб., Ножевников — по 200 руб. В Берг-привилегии пересматривалась система налогообложения заводов. Заводчики платили государству десятую часть прибыли. Если при поисках руд убытков оказывалось больше, чем прибыли, то на несколько лет завододелец мог быть освобожден от уплаты десятой части. Также этим документом предусматривалась выдача Берг-коллегией ссуды на устройство завода. И в XVII в. правительство иногда оказывало финансовую поддержку устроителям заводов, но это не было законодательно закреплено.

Согласно грамотам, в первую очередь, медь (также, как и железо) должна была поставляться в казну «сколько понадобится» по льготным для нее ценам. Перед торговой ценой Виниус должен был уступать 50 коп., Марселис — 25 коп., Ножевников — 69 коп. (хотя в челобитной просил 60 коп.). Оставшуюся медь они могли продавать самостоятельно, в том числе и за границу. После истечения льготных лет они должны были с продаж платить согласно Торговому уставу и оброк с оброчных земель. И в Берг-привилегии государство оставляло за собой приоритетное право покупки золота, серебра, меди и слитры по ценам, устанавливавшимся Берг-коллегией. Остальные металлы и минералы промышленник мог свободно продавать.

Ограниченный объем статьи не дает возможности остановиться подробно на поисках и находках железной руды. Этой теме посвящен ряд специальных работ [58]. Отметим лишь, что государство на протяжении всего XVII в. давало возможность заниматься железоделательным производством частным лицам в ремесленной и мануфактурной формах. Но на государственном уровне крупных мероприятий по поиску месторождений железа не проводилось. Казенные железоделательные заводы обеспечивали в основном нужды местного населения.

Таким образом, во второй половине XVII в. были заложены основы петровской политики по привлечению и использованию частной инициативы в горнорудном деле. В этот период стала обычной практика поддержки желающих заниматься поисками и разработкой рудных месторождений. Это касается в полной мере и железнорудного производства. Но правительственные решения по этому поводу носили частный, локальный характер. Решения принимались по прецеденту. Лишь в первой четверти XVIII в. привилегии промышленников были закреплены общероссийским законодательством.

Однако это не главная причина того, почему в XVII в. предоставлявшиеся частным лицам возможности в большинстве случаев остались нереализованными. Государство было готово приступить к крупномасштабному заводскому строительству. Об этом свидетельствуют грандиозные поиски серебра на Южном Урале в 1669 — 1673 гг. [59]. Для успешного развития крупного заводского производства было необходимо найти промышленные запасы руд, ликвидировать технико-технологическую отсталость и иметь квалифицированные кадры [60]. Лишь при решении этих проблем было возможно начало модернизационных процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Реуваль А.А. История экономических учений. М., 1972. С. 113 — 123.
2. РГАДА. Ф. 151. № 1. Л. 1 — 17; Ф. 365. № 1. Л. 14 — 163.
3. В привлекаемых нами документах понятие «завод» также используется в значении «оборудование экспедиции для проведения опытов». Но в данном случае речь идет об организации производства.
4. РГАДА. Ф. 151. № 1. Л. 17.
5. Там же. №№ 2; 3; 4. Л. 25 — 31; Ф. 150. № 9.
6. Забелин И. О металлическом производстве в России до XVII столетия. СПб., 1853. С. 133—134.
7. С ними поехал нижегородский служивый немецкий Юрй Гремон, так как ему «то рудовздатное и водопроводное дело и всякие снасти, которые к таким делам годны, делать за обычай» (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столб. 887. Л. 246).
8. РГАДА. Ф. 150. № 2.
9. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1988. С. 85, 171.
10. РГАДА. Ф. 214. Ст. 12, 16; Оглобин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 — 1768). Ч. 3. М., 1900. С. 234, 347 — 350; Новомбергский Н.Я., Гольденберг Л.А., Тихомиров В.В.. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. // Очерки по истории геологических знаний. Сб. 8. М., 1959; Кузин А.А. История открытий рудных месторождений в России. М., 1961.
11. Накануне экспедиции служил подьячим в дьячье место Государевой Мастерской палаты. После экспедиции пожалован в дьяки и назначен членом посольства боярина Ф.И.Шереметева в Польшу (Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975. С. 431 — 432).
12. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2.
13. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. II. СПб., 1851. С.319.

14. После возвращения из экспедиции в мае 1634 г. он получил разрешение на устройство первого в России стекольного завода (СГГД. Т. 3. М., 1822. С. 351).
15. ЧОИДР. 1883. Кн. 4. С. 862, 890.
16. Материалы для истории медицины в России. Вып.1. СПб., 1881. С. 32.
17. Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. Для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 42.
18. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Оларнем. М., 1870. С. 124 — 125.
19. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 290.
20. Манькова И.А. Инициатива воеводы М.Ф.Стрешнева в поисках государевой прибыли // Проблемы истории местного управления Сибири XVI — XX веков. Материалы III региональной научной конференции, 19 — 20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998. С. 16 — 22.
21. Забелин И. О металлургическом производстве ... С. 115.
22. Дворцовые разряды. Т. II. СПб., 1851. Ст. 679 — 680.
23. РГАДА. Ф. 151. № 12. Л. 14.
24. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв... С. 569.
25. Новомбергский Н.Я. и др. Материалы к истории ... С. 54 — 55; Кузин А.А. История открытий ... С. 109 — 113.
26. Преображенский А.А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 112.
27. Кузин А.А. История открытий... С. 67 — 68.
28. Там же. С. 62 — 63.
29. Там же. С. 61.
30. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С.293 — 294.
31. Крепостная мануфактура. Т. 1. Л., 1930. С. 277 — 290; Заверская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI — XVII веков. М., 1970. С. 352 — 370.
32. Чистякова Е.В. Новоторговый устав 1667 года // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 102 — 126.
33. РГАДА. Ф. 151. № 16.
34. Реуэль А.А. История экономических учений... С.116.
35. РГАДА. Ф. 214. № 837. Л. 112 — 113.
36. ПСЗ. Т. IV. СПб., 1830. С. 79 — 80.
37. Там же. Т. V. СПб., 1830. С. 761
38. Дмитриев А. Пермская старина. Вып.2. Пермь, 1890. С. 104.
39. История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. М., 1955. С. 240 — 246.
40. Любомиров П.Г. Очерки по истории... С. 285.
41. ДАИ. Т. VI. СПб., 1851. С. 165 — 166.
42. Кузин А.А. История открытий... С. 63.
43. ДАИ. Т. VI. С. 165 — 166.
44. Корнилович А. Известие об успехах промышленности в России, и в особенности при царе Алексее Михайловиче // Северный архив, 1823. Ч. 5. № 1. С. 61.
45. РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 308. Приказ Тайных дел был создан в 1654 г. и одной из его функций стала организация помесковых экспедиций. Так, например, этот приказ руководил экспедициями В.Шпилькина, Р.Неплюева и др.
46. История экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. С. 222 — 223; История государства Российского: Жизнеописания. XVII век. М., 1997. С. 219.

47. ДАИ. Т. VI. С. 158 — 165.
48. РГАДА. Ф. 151. № 126.
49. ДАИ. Т. VI. С. 165 — 167.
50. Там же. С. 167 — 168.
51. Там же. С. 168 — 169.
52. РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. № 38.
53. Кузин А.А. История открытий... С. 28.
54. ДАИ. Т. VII. СПб., 1859. С. 53.
55. Любомиров П.Г. Очерки по истории... С. 293.
56. ДАИ. Т. VII. С. 53 — 57.
57. Крепостная мануфактура... Т. 1.
58. Любомиров П.Г. Очерки по истории... ; Кузин А.А. История открытий ...; Звозерская Е.И. У истоков крупного производства...
59. Курлаев Е.А. Поиск серебряной руды на Южном Урале в XVII в. // Урал в прошлом и настоящем. Тез. докладов конференции. Екатеринбург, 1998. Ч. 1.
60. Курлаев Е.А. Металлургические заводы Урала XVII — начала XVIII в. (организационный и технологический аспекты). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

BY THE ORIGINS OF THE RUSSIAN MODERNIZATION

The article examines the formation of the state industrial policies through the case of ore mining. By way of analysing the evolution of legislation and practices, the author argues that the reforms taken at the first quarter of the XVIIIth century were organic results of developing the ideas and undertakings of the previous century. The author's viewpoint is that as early as the second half of the XVIIIth century the fundamentals of Peter the Great's policies had been laid down together with using mechanisms of attracting and utilizing the private initiatives in search of ore deposits and working them. However, the opportunities given to the private searchers in the XVIIIth century proved in most cases to be unrealized. Some attempts to organize large state-owned works construction were unsuccessful, too. The main reason for the general failure of all undertakings is seen in lacking any ore discoveries of industrial scale, more sophisticated technologies and skilled labour force.

I.L.Man'kova